

О НАШЕМ ПОКОЛЕНИИ¹

*А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН*

Аннотация: В тексте главного научного сотрудника Института философии РАН, принятого на работу в Институт философии в конце 1980 года и бывшего в первой половине 1980-х годов секретарем институтского комитета комсомола, рассказывается о судьбе «поколения восьмидесятников», пришедших в отечественную философию в переломную эпоху новой, на этот раз горбачевской, «оттепели». Автор вспоминает приподнятую и воодушевляющую атмосферу тех лет, многочисленные (и ранее совершенно невозможные) научнотворческие инициативы институтской молодежи перестроечных и первых постсоветских лет. Автор делится воспоминаниями о своих учителях и наставниках, а также о своих молодых друзьях и коллегах, которые ныне составляют «цвет» Института философии.

Ключевые слова: Институт философии, «философское поколение», комсомол, перестройка, молодежные инициативы.

В наш московский академический Институт философии я попал в 1980 году, можно сказать, случайно. К тому времени я, наверное, даже толком не знал, где такой институт находится. Хотя я коренной москвич и все ранние годы прожил в центре (на Кирова /Мясницкой, на Жданова /Рождественке, у Елоховского собора), я, каюсь, не обращал отдельного внимания на стоящий в глубине квартала на Волхонке бывший особняк князей Голицыных, в котором потом пройдут тридцать пять лет моей жизни.

Меня ничего не связывало с этим домом и с обосновавшимся там учреждением, хотя в 1970-е годы, еще будучи студентом, а потом аспирантом МГУ, я был достаточно глубоко погружен в академическую жизнь Москвы. По профилю своего образования я десятки раз был и в Институте востоковедения на родной улице Жданова, и в Институте всеобщей истории у станции метро «Академическая», где работал мой научный руководитель, теперь академик Аполлон Борисович Давидсон. Но более всего, по нескольку раз в неделю, я бывал в ИНИОНе с его уникальной библиотекой и в Институте Африки – сначала в Староконюшенном переулке, а потом и в новом здании – у Патриарших.

По университетскому образованию я историк – вслед за отцом, окончившим истфак МГУ, а потом несколько десятилетий проработавшим главным редактором историко-педагогического журнала. Дипломированным историком был и мой покойный брат Владимир, более известный как тележурналист. Я же окончил кафедру африканистики историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки при МГУ. Помимо детской тяги к дальним путешествиям (почему-то именно в Центральную Африку и на острова Тихого океана), меня с ранней школы влекло к исторической науке. С первых студенческих лет

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Кара-Мурза А.А. О нашем поколении. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 657–670.

в старом здании МГУ на Моховой, я активно работал в исторической секции научно-студенческого общества (НСО), побеждал на конкурсах научных работ и на последнем курсе возглавил объединенное НСО всего института.

Мой дальнейший карьерный путь был примерно ясен и для меня, и для моих однокашников, и, видимо, для моего тогдашнего вузовского начальства. Помню, от меня очень быстро отстали пришедшие к нам на Моховую «вербовщики в погонах»: не секрет, что ИСАА (там в мое время на десять ребят приходилась одна девушка; сейчас – ровно наоборот) был одним из главных кадровых резервуаров и для нашей внешней разведки, и для разного рода забугорной работы «под прикрытием» (на моем курсе, например, учились семь или даже восемь будущих генералов). Бегло просмотрев мое личное дело и задав пару вопросов, офицеры разочарованно переглянулись: парень вроде и соображает, но для серьезной службы Родине потерян – пусть идет себе в аспирантуру.

Я и пошел тогда в аспирантуру той же кафедры африканистики, продолжив писать на тему удавшегося, по всем отзывам, диплома: «Формирование новых элит в странах Тропической Африки». Сейчас бы эту тему определили, скорее всего, по ведомству *sciences politiques*, но в те годы такой специальности у нас в стране попросту не было.

Я сейчас совершенно не помню деталей того, что случилось со мной на последнем году аспирантуры. И никто из моих друзей-аспирантов (с некоторыми мы дружим более сорока лет) тоже не в состоянии мне помочь: каким образом меня вдруг угораздило оказаться в нешуточном конфликте с самим ректором ИСАА?! По-видимому, я тогда «заигрался», переоценив свою роль «молодежного вожака» (я по-прежнему был руководителем НСО), и, наверное, повел себя демонстративно независимо. А ведь это был еще только рубеж 80-х: идеологическую борьбу, тем более в идеологическом вузе, – никто не отменял. Начальству, наверное, резала глаз и моя очевидная приязнь к определенному складу профессорам и преподавателям, носившим печать идейного фрондерства. Уникальным специалистам, знавшим в совершенстве редкие языки, такое поведение годами сходило с рук, но плодить в серьезном вузе новых полудиссидентов за счет новобранцев из молодежи руководство, конечно, никак не планировало.

Как бы там ни было, перспектива моего беспроблемного распределения на кафедру довольно быстро затуманилась, а потом и рассосалась. Более того, сведущие люди донесли, что даже спокойно защититься в ИСАА мне вряд ли дадут. С поста председателя НСО пришлось уйти. Последним моим «звездным часом» в университете, как сейчас помню, стало бригадирство в начале лета 1980 года в сводной бригаде аспирантов МГУ: надо было срочно доделывать за строителями олимпийский гостиничный комплекс в Измайлове (я и сегодня, когда проезжаю мимо, обязательно небрежно так бросаю таксисту: «Мы строили...»).

Олимпиада-80 успешно закончилась, а вопрос с моей будущей защитой и распределением еще больше «завис». И тут случилось «обыкновенное чудо» – иначе назвать это я не могу. Где-то осенью, по-видимому вечером, к нам в коммунальную квартиру на Разгуляе прозвонилась не очень трезвая (как мне показалось) моя бывшая однокурсница Наташа О., по специальности китаистка, и полушутя (или мне опять так показалось?) сообщила, что в Институте философии Академии наук СССР, в секторе философии Востока ищут молодого сотрудника – и почему-то именно «африканиста»! Я бы, наверное, еще долго смеялся, но Наташа вызвалась уже на следующий день лично отвести меня в тот самый институт, в тот самый сектор и познакомить меня с заведующей – «чудесной», по ее словам, Мариэттой Тиграновной Степанянц.

Вот так я и появился в «желтом доме» на Волхонке, 14. Мариэтта Тиграновна действительно оказалась замечательной женщиной и очень живо рассказала, как из института уволился (или вынужден был уволиться) известный ученый-африканист (его книги я, конечно,

читал), освободилась таким образом «ставка», заполнить ее нужно очень быстро, иначе... ну и т. д. Присутствовавшая при разговоре Наташа О. еще раз подтвердила мои бесспорные достоинства: африканист-натурал (что и требовалось), победитель олимпиад, комсомольский активист, бригадир, кандидатская по африканистике почти готова...

Окончательно, как я понимаю, дело решил принесенный мною с собой (на всякий случай – и, как оказалось, очень кстати) старый текст «курсовой» за третий год обучения: «Философские (sic!) аспекты становления классов и государства в средневековой Руанде». Блестящий текст (чудом сохранившийся третий, если не четвертый, машинописный экземпляр), зато с исключительно удачным названием (работа, конечно, была чисто историко-политологическая и никак не философская), по-видимому, и стал решающим аргументом моего приема на работу. Этот текст потом неизменно фигурировал и на столе курирующего тогда восточный сектор замдиректора, а потом и перед самим директором, оригинальным человеком, как мне объяснили, «другом самого Брежнева». Замусоленная старая курсовая стала, таким образом, главным доказательством моей философской профпригодности: спасибо далекой Руанде, в которой я никогда не был и в которой больше половины населения говорит на до боли знакомом мне (а сейчас прочно забытом) языке суахили!

Некоторая несерьезность обстоятельств моего поступления в ИФАН не отменяла того факта, что у меня, конечно, были неплохие козыри для профессиональной работы на новом месте. Я очень хорошо знал тогда французский язык (спасибо спецшколе), несколько хуже – английский, мог читать и на португальском (это уже от университета). Свою задачу в секторе Востока я понял так: доказать, что и в Тропической Африке была и есть «своя философия».

Ряд обстоятельств мне благоприятствовал. Во-первых, выпускники ИСАА по определению не были европоцентристами: каждый знал и обожал свою далекую локальную культуру. «Цивилизационный» подход к гуманитарным наукам в нашей среде всегда превалировал над господствовавшим тогда «формационным», к которому востоковеды относились с нескрываемой иронией, переходящей в презрение. Пресловутая формационная «пяточка» в востоковедной среде считалась ругательным словом.

Во-вторых, способствовало делу и мое тогдашнее, наивное, но искреннее, очень своеобразное представление о философии, которое любой выпускник философского факультета высокомерно определил бы как глубоко непрофессиональное. Под философией я понимал (а в какой-то степени понимаю и сейчас) просто мудрость: остальное – как говорится, «дело техники». Вывод напрашивался сам собой: если в локальном социуме есть своя «мудрость» (пусть даже весьма немудреная), значит есть и «своя философия». Надо добавить, что это был в те годы очень модный тренд в востоковедении и африканистике: в разных экзотических странах сотни автохтонов (парадокс: европейски образованных) упражнялись на тему так называемой этнофилософии. Нехитрая логическая цепочка: «автохтонная культура – патриотическая элита – самобытная этнофилософия» – была мне внутренне близка, а в исследовательском смысле – еще и весьма удобна. Литературы по теме было полно, языки я знал, навыки исследовательской работы были наработаны в университете. И я, припоминая, еще до защиты кандидатской (которая успешно состоялась-таки в МГУ в 1981 году) прикинул: перспективы в Институте философии у меня есть, и неплохие; можно начинать задумываться и о докторской.

Разумеется, надо сказать несколько добрых слов о замечательном «восточном» секторе М.Т. Степанянц, в котором я проработал все 80-е годы. Я тогда понял, что буквально означает выражение: «кататься, как сыр в масле». Мне симпатизировала и всячески помогала не только Мариэтта Тиграновна, но и старшие коллеги: Е.А. Фролова (арабская мысль), В.Г. Бузов (Китай), Ю.Б. Козловский (Япония). Но особенно я сблизился со «средним поколением»

сектора. Гуля Шаймухамбетова, Оля Мезенцева, Володя Зайцев, Адик Михалев – увы, никого из них уже нет в живых. Светлая память!

Между тем общественные настроения «за окном» менялись и сильно меняли нас. А я, надо признаться, всегда был «социально чувствителен». Не люблю выражение: «социально активен», хотя с середины 80-х возглавил в институте комсомольскую организацию, а потом несколько лет фактически руководил Советом молодых ученых (молодежи, в подавляющем большинстве неостепененной, в институте было тогда много). Именно эта сторона жизни (назову ее условно «общественной»), возможно, в не меньшей степени, чем собственно занятия наукой, сформировала наше институтское поколение «восьмидесятников».

«Поколение», как мне представляется, не стоит путать с «возрастным срезом» – это принципиально разные, хотя и пересекающиеся сущности. «Поколения» создаются по преимуществу горизонтальными неформальными связями – чаще всего вопреки вертикально выстроенным связям служебным. Несмотря на то что я всегда считал и считаю Институт философии учреждением уникальным, я все-таки не настолько сентиментален, чтобы отрицать, что и в годы моей молодости, и сегодня институт наш строился и строится вертикально-иерархически *par excellence*.

Иначе и быть не может – или не быть мне заведующим кафедрой прикладной политологии (в ГАУГНе)! Речь может идти лишь о той или иной степени «просвещенности» этого вполне естественного и даже органичного авторитаризма. Институтские старожилы уверяют, что когда-то отдельные сегменты нашего института (и даже весь он в целом – кто бы мог представить!) управлялись «совсем не просвещенно», но я тех варварских времен почти не застал. По крайней мере, наш, «восточный», сектор всегда принадлежал к числу наипросвещеннейших: в самом деле, свободно читать в оригинале суфиев, вайшешиков или джайнистов – это не то же самое, что, пыхтя, «овладевать» Марксом и даже Гегелем в русских переводах. Но даже самый просвещенный авторитаризм, повторяю, не может стимулировать развитие текущих мимо него низовых человеческих «токов», в том числе поколенческих. Разумеется, такое товарищество (прямо как *grass-roots movements*!) активно формировалось в наше время и на суглинистых почвах подшефных совхозов, и на пахучих просторах плодовоовощных баз, но подобное его произрастание (и даже цветение!) было лишь побочным следствием неукоснительного выполнения разнарядок, спущенных из райкома партии.

Мне, наверное, всё равно бы никто не поверил, если бы я стал отрицать наличие элементов авторитаризма в моем собственном стиле руководства сначала комитетом ВЛКСМ института, потом научным сектором, затем отделом, секцией Ученого совета, многочисленными исследовательскими проектами. И тем не менее (спросите кого угодно – пусть даже сотрудников других подразделений!) «Мурза» в своей работе всегда старался находить время, силы и средства (!) для последовательного культивирования товарищества в отношениях с коллегами. Может быть, поэтому мне действительно есть что рассказать о моем поколении в целом.

«Формирование поколения» я бы уподобил трудной и в чем-то рутинной лепке из глины. Кто здесь является Мастером – время, судьба или некие высшие силы – мне неизвестно. Я знаю другое: у масштабных скульптурных проектов всегда есть невидимый миру каркас из прочной арматуры. В отношении нашего поколения таким каркасом стала поначалу не собственно философия, а околонаучная молодежная практика. Я могу даже обозначить относительно точные хронологические пределы, когда этот новый поколенческий «каркас» в основном сформировался. Это были годы, немного утрируя, двух «комсомольских секретарств»: моего (1983–1986) и Марии Михайловны Федоровой (1987–1989) – моей преемницы, бывшего зама, старинного друга, а ныне бесспорного лидера новейшей российской политической философии и теоретической политологии. Характерно, что в указанный период именно к на-

шему, «комсомольскому», сообществу (а вовсе не к «своему» партбюро) «прилепилась» группа молодых институтских партийцев – Наталья Козлова, Александр Захаров, Федор Блюхер, Марина Быкова.

Если, обернувшись, взглянуть на тогдашнюю политику советского руководства (начиналась полная противоречий «эпоха Горбачева»), то одной из ее главных характеристик стало откровенное идейное попустительство в отношении гуманитарно ориентированной молодежи. Это был период расцвета всевозможных «молодежных школ», «инициатив», «творческих молодежных коллективов» и т. п. С добрым чувством вспоминаю одно из расширенных заседаний тогдашней дирекции института. При обсуждении какого-то вопроса академик Смирнов (Георгий Лукич, разумеется) вдруг повернулся в мою сторону и спросил: «А что по этому поводу думает комитет комсомола?» На что сидящая неподалеку тогдашняя зав. отделом кадров с чувством выдохнула: «Это не комитет комсомола! Это – банда!»

Из случившихся в ту пору с институтской молодежью чудес назову лишь самые фантастические... Поездка группы молодых философов в 1988 году на Всемирный философский конгресс в Брайтон! Вспоминаются лица друзей и подруг, не только увидевших тогда «живьем» Поппера, Хабермаса и Рикёра, но и объехавших половину Англии: Лена Петровская, Марина Быкова, Оксана Гаман, Оля Зубец, Саша Филиппов, Виктор Игнатьев... Несколько раундов образовательных поездок в Париж для совершенствования французского языка в «Alliance française»!.. Научные стажировки в Германии, Америке, Франции!.. Неоднократные поездки на международные философские школы в Югославию, Болгарию, Польшу! Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один эпизод. Во время очередной молодежной встречи где-то под Варшавой мы (я, Леонид Поляков, Валерий Перевалов, Владимир Филатов) близко познакомились с ровесниками из КНДР, тоже представившимися «философами». Буквально через пару недель Поляков, Перевалов и Филатов получили именные приглашения посетить Северную Корею. На естественный вопрос: «А как же Мурза?», северокорейцы прямодушно ответили: «А мы еще в Польше по глазам поняли, что он – враг социалистической Кореи».

И в нашем институте некоторые проницательные старшие коллеги («мудрецов» у нас всегда было в достатке) называли тогда процессы, начавшиеся при Горбачеве, – «заигрыванием с молодежью», что, как и многое другое, «добром не кончится». Так и случилось – но лично я благодарен Михаилу Сергеевичу за то веселое и творческое время, о чем имел возможность говорить ему лично. Пусть это прозвучит эгоистично, но, потеряй мы тогда эти восемь – десять лет в старых статусно-идеологических «стойлах», и из моего поколения вряд ли вышло что-то путное. Этот вывод в полной мере касается и тех из моих сверстников, кто не готов признаться в любви к «перестройке». Но ведь и внутри замечательного поколения шестидесятников, сполна вкусивших плоды «хрущевской оттепели», редко встретишь поклонников лично Хрущева.

Могу добавить, что я и мои товарищи честно стремились добром ответить руководству всех уровней на оказанное нам доверие – «неблагодарность» я вообще считаю одним из самых больших человеческих грехов. По-моему, в 1986 году, нашими усилиями, Институт философии завоевал первое место на Всесоюзном (!) конкурсе научных учреждений на лучшую постановку работы с молодежью. Сохранились фотографии, где я, на сцене Актового зала дома на Волхонке, получаю Красное знамя из рук секретаря ЦК ВЛКСМ. На лице сидящего в президиуме первого замдиректора В.В. Мшвениерадзе – целая гамма чувств...

Но, при всем уважении к Красному знамени, случилось тогда и другое, гораздо более существенное и ранее совершенно непредставимое. Институту философии в качестве поощрения был выделен дополнительный фонд заработной платы – довольно солидный! – для перевода из младших научных сотрудников в «старшие» особо отличившейся молодежи.

К нашей чести, ни один из тогдашних членов комитета комсомола даже на минуту не подумал этим воспользоваться: самым старшим из нас было тогда всего-то по тридцать с небольшим. Единогласным решением деньги пошли на повышение окладов бывшим институтским комсомольцам – лет на пять, на десять, а то и на пятнадцать старше нас: в «старшие научные» переходили в те времена, как говорится, «с сединою на висках». Для нас же, еще зеленых, главным было то, что сделано хорошее дело. Авторитет нашей «банды» в глазах дирекции заметно вырос...

В обязанности лидера во все времена входила забота о материальном благополучии людей, тебе доверившихся. «Поколению» ведь надо на что-то жить – появляются семьи, потом дети. От старших товарищей я неоднократно слышал фразу: «А по ночам я разгружал вагоны...» В годы моей молодости законным (и легитимным в глазах начальства) способом поправить финансовое положение были выездные лекции от общества «Знание». В нашу молодежную лекторскую группу вошли мои товарищи, не только хорошо владеющие материалом, но и доказавшие навыки коммуникации: Поляков, Перевалов, Захаров, Ханин, Осовцов, Алюшин. Ребятам доставались порой самые экзотические, не нами придуманные, темы типа: «Любовь и дружба в условиях развитого социализма». Мне было проще: я, на правах руководителя «цикла», брал себе, как правило, «международное положение». Сотрудники «Знания» (обществ формально было два: общесоюзное и российское) хорошо знали меня еще со времен востоковедной аспирантуры. Лекторский хлеб кандидатов наук был тогда нелегко: 5–6 лекций в день, причем в не самых комфортных условиях. До сих пор, когда мы общаемся, с юмором, но и с ужасом вспоминаем два «цикла»: «По домам престарелых Архангельской области» и «По зонам Кировской области» (!). Зато за пять-шесть дней можно было заработать эквивалент месячной зарплаты.

А теперь – о самом главном, о философии. Философское поколение всё-таки создается не на овощных базах и даже не на молодежных «школах». В противном случае это – не *поколение*, а просто «тусовка», пусть даже очень симпатичная. Наше поколение окончательно сложилось, как мне кажется, вокруг определенной, существенно новой, философской проблематики и приложенной к ней оригинальной исследовательской оптики. Очевидной и признанной вовне эта наша *самобытность* стала, разумеется, не сразу.

Для меня лично 1980-е годы были временем исподволь зреющей «свободы от Африки». Решающим в этом смысле стало одно курьезное обстоятельство. Как-то к нам в сектор Востока пришла на отзыв (то ли из Киева, то ли из Кишинева) увесистая докторская диссертация, и меня попросили ее посмотреть. Открыв текст и прочитав название, я ахнул: «Философская мысль в Африке» (!). Диссертация была добротной, умно структурированной и базировалась на большом количестве хорошо мне знакомых африканских источников. Курьез заключался в том, что передо мной был, разумеется, чужой, но примерно тот же самый текст, который я сам несколько лет уже как обдумывал, понемногу писал и который я сам собирался защищать в качестве докторской – по моим прикидкам, лет через пять! На столе лежала... моя докторская, написанная другим человеком, прежде меня и, наверное, лучше меня! Особый аромат ситуации придавал тот факт, что диссертант активно и со вкусом использовал мои рефераты по «африканской этнофилософии», которые я несколько лет печатал в сборниках ИНИОН! Однако – и это было главным во всей этой истории: я тогда поймал себя на мысли, что... почти не расстроился. Я даже с некоторым облегчением и абсолютно чистым сердцем написал положительный отзыв, и сейчас думаю, что тот человек (я потом потерял его из виду) сэкономил мне пять, а может и больше, лет жизни и, скорее всего, – существенно перенаправил ее течение.

Дело в том, что, работая в секторе Востока и «окучивая» свою конкретную (африканскую) «делянку», я в 80-е годы, возможно в предчувствии скорых перемен, стал всё

больше увлекаться отечественной проблематикой: особенностями исторического пути России, русской историософской и политической мыслью, что с тех пор и стало моей главной научной темой. Поначалу это было перечитывание Герцена и Плеханова (иногда и Ленина) с совершенно новой для меня расстановкой акцентов. Мы, например, в соавторстве с моим университетским другом Игорем Зевелевым (востоковедом-бирманистом, сегодня, безусловно, входящим в тройку самых авторитетных на Западе наших политологов-теоретиков) написали серию статей в журнал «Азия и Африка сегодня», где мы, проводя параллели между «восточными деспотиями» и «сталинщиной», открыто вставали в нашем, разумеется, еще марксистском дискурсе на сторону Плеханова против «азиатского марксизма» в лице... – нет не Ленина, конечно, а Сталина! Наши с Игорем доброжелатели из редколлегии журнала рассказывали, что эти тексты, как говорится, «на грани фола», как будто специально дразнившие «староверов», всякий раз вызывали бурные обсуждения и проходили только после долгого «вентиляции наверху», в аппарате нового главного идеолога страны Яковлева.

А тут и у нас, в Институте философии, в 1988 году, случилось событие, которое многие могли попросту не заметить или посчитать ритуальной формальностью, но которое я, в контексте сегодняшнего разговора о «философских поколениях», считаю принципиально важным. С подачи Президиума АН и изнывающего от реформаторского зуда комсомольского ЦК в институте был организован так называемый временный молодежный научный коллектив, в который вошли мой давнишний друг Валерий Перевалов (в качестве руководителя), Мария Федорова, Федор Блюхер, Володя Меликов (тоже из востоковедов) и я. Общую тему взяли в полном соответствии с характером тех межумочных времен – что-то вроде «Новейшие тенденции в осмыслении философии марксизма».

Главной «фишкой» нашей тогдашней, исключительной по своей интенсивности работы в форме многочасовых brainstorming'ов на частных квартирах (чаще всего у меня на Рижском проезде) стали многораундовые безжалостные «похороны» стадийно-формационного подхода, с его набившей оскомину «пятичленкой», и решительный поворот к животворящему «цивилизационному методу». Здесь всем нашлось место: и нам с индологом Меликовым, и франкофонке Маше Федоровой, блестяще знавшей французский неомарксизм, и, конечно, подлинным знатокам аутентичного Маркса – Перевалову и Блюхеру, которые, с текстами в руках (например, переписки Маркса с русскими народниками), играючи доказали, что «цивилизационный подход» тоже придумал Маркс.

«Группа Перевалова» стала во второй половине 80-х естественным ядром для роста и почкования нашего поколенческого актива. В полном соответствии с законами жанра, «банда», окультуриваясь и матеряя, превращалась в «сообщество». Одной из заметных фигур стал историк русской философии Леонид Поляков, вернувшийся из стажировки в США. Из более молодых обратили на себя внимание своей начитанностью, нетривиальными идеями, амбициозностью в хорошем смысле – аспиранты Наталья Любомирова, Александр Осовцов, Алексей Алюшин, Эдуард Надточий, Сергей Зимовец. Особую благодарность я испытываю к двум моим коллегам (увы, ныне покойным) – Наталье Никитичне Козловой и Александру Владимировичу Захарову.

Вспоминаются и околонаучные «досуги» нашего сообщества в помещении комитета комсомола на Волхонке – им в те годы была (спасибо дирекции!) красивейшая зала в бельэтаже с мраморным камином, примыкающая к Актовому залу. Особо запомнились слайдовые презентации (прямо на белую стену) незабвенного Альберта Васильевича Соболева о философской Москве Серебряного века – о Вл. Соловьеве, Бердяеве, Эрне, Новгородцеве... Для меня, конечно, именно АВС был и остается родоначальником «философского краеведения».

В истории каждого научного поколения всегда есть события, которые являются знаковыми «вершинами» его существования: это может быть постоянный семинар, научный журнал, цепочка проектов (чаще – всё это вместе). Для нашего поколения первой очевидной «вершиной», признанной поколенческим консенсусом, стал проект «Тоталитаризм как исторический феномен» и, в первую очередь, трехдневная международная конференция на одноименную тему, прошедшая в Институте философии 3–5 апреля 1989 года. Хотя именно я являлся председателем оргкомитета и главным ведущим сессий, считаю своим долгом назвать еще двух моих друзей, которые стояли у истоков проекта и сыграли важную роль в обеспечении его совокупной «тяги». Это Алексей Миллер, на тот момент кандидат исторических наук (сегодня, конечно, доктор, профессор нескольких европейских университетов), и Ольга Ярцева, тогда еще аспирантка ИМЭМО, сейчас успешно работающая в Париже.

Для сотрудников Института философии и Алексей, и Ольга формально были «внешниками», но, частенько наведываясь на Волхонку, пользовались общей симпатией. Они привнесли в проект свой специфический набор идей и контактов, что в итоге и обеспечило беспрецедентный по представительности состав докладчиков. На конференции выступили признанные (хотя большинством слушателей ранее «не виданные») «звезды» российской гуманитаристики: Алексей Салмин, Виктория Чаликова, Леонид Волков, Борис Орлов, Леонид Седов. Все они, к нашему удовольствию, в полной мере прочувствовали неординарность происходящего. На той же сцене Актового зала на Волхонке торжественно передавалось уже не Красное знамя, а «поколенческая эстафета» в осмыслении самого драматического из российских феноменов: периодической смены прорывов к свободе очередным и всякий раз всё более репрессивным идеократическим «упорядочиванием». Удивительно, что при наличии столь звездного состава гостей многочисленная аудитория (зал был все три дня полон) хорошо понимала: реальными хозяевами мероприятия выступают молодые люди 25–35 лет, интересные не только юной энергетикой, но и новыми нетривиальными научными идеями.

Для меня тогдашний «тоталитарный проект» оказался памятен еще и тем, что он сблизил нашу группу с ровесниками, более тяготевшими к философскому кругу В.А. Подороги. Сам Валерий Александрович, его ближайший соратник Михаил Рыклин (через пару лет мы с ним близко подружились в Париже), лучшая из его учениц Лена Петровская (еще с Брайто-на и по сию пору я нахожусь под ее обаянием) выступили с интереснейшими докладами, а потом и написали тексты в коллективный сборник.

Книга «Тоталитаризм как исторический феномен», вышедшая по итогам нашей конференции под грифом Философского общества СССР и Всесоюзной ассоциации молодых философов тиражом 3 тысячи экземпляров, быстро стала бестселлером и сегодня является библиографической редкостью. Когда в начале 90-х в книжных магазинах Москвы появилась практика «книгообмена» (книги можно было обменять на одну или несколько равноценных), наш «Тоталитаризм» прочно оказался в числе безусловных «топов», в чем мы не раз убеждались в разных точках столицы, с удовлетворением разглядывая книжные стеллажи. Авторы нашего сборника, выступившие даже с небольшими текстами, в одночасье стали известными. Им это потом не раз пригодилось в жизни – лучшей «визитной карточки» было не придумать. Получил известность курьезный случай, когда некий немолодой заслуженный профессор прилетел в командировку в Канаду и буквально с первых часов был атакован большим числом жаждущих лично и в подробностях выслушать его точку зрения на феномены «тоталитаризма вообще» и «сталинизма в частности». Профессор вообще-то занимался совершенно другими сюжетами и не мог понять причины столь настойчивого интереса. Он мужественно отбивался, но, не будучи специалистом, вынужден был отделяться общими фразами, но и они, на удивление, «шли на ура», а пару раз даже вызвали овацию. Станный визит уже подходил к концу, когда профессор сообразил, что его попросту спутали с сыном-исто-

риком (моим хорошим другом), опубликовавшим в нашем сборнике небольшую, но яркую и в чем-то провокативную статью. А рекламу нашей книги в Канаде, как оказалось, организовал участник сборника, профессор Университета Гвелфа (Онтарио) Фред Эйдлин, умудрившийся раструбить про наш с ним «Тоталитаризм» на весь североамериканский континент. В самом деле, когда на авансцену выходят Петровская, Любомирова или Ярцева, поневоле забудешь о Хайеке с Бжезинским.

Но даже суперудачный проект в одиночку не способен сплотить научное поколение. Вдогонку за «Тоталитаризмом» мы организовали собственный «журнал-альманах социально-философской компаративистики» (под моим редакторством) с претенциозным названием «Параллели», где с успехом печатались набиравшие хороший писательский темп молодые авторы: А.В. Смирнов, Л.В. Поляков, В.А. Подорога, М.К. Рыклин, Н.В. Любомирова, Э.В. Надточий, С.Н. Зимовец.

А потом последовал ряд новых масштабных конференций, закрепивших «Волхонку, 14» в качестве самой престижной межинститутской площадки Москвы: «Реформаторство и контрреформаторство в России» (1991), «Россия в поисках идентичности» (1992), «Российское западничество» (1993). В те годы в Институте философии нередкими и всегда желанными гостями стали наши старшие товарищи, имевшие заслуженную репутацию в науке: А.С. Ахиезер, Г.Г. Водолазов, Ю.Н. Давыдов, В.А. Найшуль, Ю.С. Пивоваров, В.Л. Шейнис, Е.Б. Рашковский, В.Г. Хорос и др. Помню интересные выступления на нашей конференции по «русскому западничеству» бывшего первого вице-преьера и госсекретаря России Г.Э. Бурбулиса, выдающегося итальянского русиста Витторио Страда, молодого профессора Стэнфордского университета (впоследствии американского посла в Москве) Майкла Макфолла.

В те удивительные годы мы прочно сдружились с нашими старшими коллегами по институту, всегда тяготевшими в своих философских исследованиях к русской проблематике. Назову лишь три ключевых фигуры: Игорь Константинович Пантин, Александр Сергеевич Панарин, Вадим Михайлович Межуев. Всех троих я считаю своими бесспорными учителями, притом что впоследствии мне довелось довольно долго быть их формальным служебным «начальником».

В жизни каждого научного поколения всегда при желании можно разглядеть два периода: этап, когда это поколение консолидируется, наращивая общий (во многом неразложимый на части) потенциал, – и другой, неизбежно следующий за первым: когда происходит дробление первоначального «ядра» и сумма усилий уже совершенно автономных ученых начинает заметно превышать «командный» результат. Индивидуальные «прорывы» неизбежно рвут поколенческую ткань. А, с другой стороны, искусственное, уже вполне имитационное, пролонгирование «коллективного творчества» тормозит индивидуальную работу, которая в конечном счете и определяет итоговую судьбу философа.

В 1990 году у меня появилась возможность длительной командировки в Париж в Дом наук о человеке по линии «стипендии Дидро». Поехал я по квоте «политических социологов», получив в институте письменные рекомендации Нели Васильевны Мотрошиловой (моего тогдашнего заведомо) и Бориса Андреевича Грушина, за что я им бесконечно благодарен. Ведь я еще со спецшколы был убежденным «франкофоном», и над моей домашней кроватью годами висела карта старого Парижа, которую я изучил в малейших деталях. В короткой, еще «комсомольской», поездке во Францию в 1985 году я, помнится, поразил русскоязычного «сопровождающего», когда, после общей экскурсии по Монмартру, проложил кратчайший путь («огородами») к ближайшей станции метро – это был триумф моего заочного знания Парижа.

Я здесь опускаю детали моей стажировки во Франции в 1990–1993 годах – они не имеют прямого отношения к сегодняшнему специальному разговору о «научных поколениях». Не могу, однако, не вспомнить, что именно тогда, в столице Belle France, укрепилась моя дружба с такими уникальными, на мой взгляд, представителями моего философского поколения, как Михаил Кузьмич Рыклин и Виктория Георгиевна Лысенко (для меня просто Вика). И еще: всякий раз, когда я возвращался из Парижа в Москву, я обязательно привозил с собой «чемодан ксероксов» – копий оригинальных текстов русских философов-эмигрантов: Бердяева, Франка, Струве, Вышеславцева, Федотова, Степуна, Вейдле. Эти ксерокопии потом расходились среди моих институтских коллег («право первой ночи» всегда было, конечно, за ними), а потом и по остальной Москве. Могу сказать, что если кто-то из моих соотечественников когда-то «вышел из шинели» Гоголя или, наоборот, Дзержинского, то моя докторская диссертация, защищенная в институте в 1994 году, – точно «вышла» их тех парижских чемоданов.

Еще в 1993 году, наш тогдашний директор Вячеслав Семенович Стёпин предложил мне возглавить в институте новое подразделение – «лабораторию философских проблем этнологии» (чуть позже переименованную в «сектор»), призванную произвести интеллектуальную санацию проблематики «национальных отношений», всё с большим скрипом проходившую ранее по ведомству «научного коммунизма». В мою «лабораторию» (сразу или спустя небольшое время) вошли: А.В. Захаров, Н.Н. Козлова, Л.В. Поляков, В.П. Перевалов, В.С. Малахов, Е.А. Патуткова, Н.В. Любомирова, Э.В. Надточий, С.Н. Зимовец. Повезло нам и с секретарями – Анной Петровой и Мариной Болдыревой. А в 1994 году, после защиты докторской на тему «Социальная деградация как феномен исторического процесса (проблема “нового варварства” в философско-историческом контексте)», меня назначили заведующим внушительным даже по тем временам (девять секторов, более ста сотрудников) Отделом социальной философии и философской антропологии. Вот в этой точке, парадоксальным образом, и закончилась, наверное, восходящая линия моего «бригадирства» среди сверстников. Вертикальные отношения победили связи горизонтальные – не «нокаут», конечно, но «по очкам» точно. Думаю, мои товарищи мало потеряли от этой перемены – у всех у них тоже обозначилась своя, индивидуальная, уникальная «траектория».

Некоторые из коллег, почувствовав дефицит преподавательского общения с «новой молодежью», ушли в перспективные университеты: Леонид Поляков – в Вышку; Наташа Козлова и Александр Захаров – в РГГУ. Почувствовав вкус к «свободе выезда» и международному признанию, уехали в зарубежные университеты и центры Дмитрий Ханин, Наталья Любомирова, Эдуард Надточий, Сергей Зимовец. С некоторыми из них я потерял связь, и, наверное, лучше осведомлена об их судьбе «наша» заведующая кадров Наталья Владимировна Коваленко. До меня доходили слухи, например, что некоторые из «философов-беглецов» выходили на связь с институтом, чтобы оформить российские пенсии. Да, в природной смекалке моему поколению точно не откажешь.

Но многие «восьмидесятники», несмотря на все внешние соблазны, по-прежнему хранят верность институту и находятся в отличной профессиональной форме. К нашему кругу еще вполне можно «лепиться», и речь здесь не только о естественном «омоложении кадров». В свои последние годы жизни ко мне в сектор пришли работать (именно работать!) такие корифеи нашей философии, как Вадим Михайлович Межуев и Вадим Львович Рабинович. Видимо, им было комфортно у нас, а нам очень хорошо работалось (и отдыхалось!) с ними. Светлая им обоим память!

Чем больше я размышляю о моем поколении, тем отчетливее понимаю его не только профессионально-философскую, но и нравственную специфику. У нас, к примеру, сложилось особое отношение к проблеме и сущности «власти». Ведь именно мы, наверное, ста-

ли первым в истории России научным поколением, которое получило возможность поставить «проблематику власти» в центр своих ежедневных профессиональных исследований, без особой оглядки на эту самую «власть». Были и до нас в России авторитеты в этом нелегком деле: от Радищева и Герцена до Авторханова и Амальрика – но все они, как известно, не слишком хорошо закончили. Я очень высоко ценю то, что сделали в области «философии власти» мои (плюс-минус) сверстники: Мария Федорова, Борис Капустин, Сергей Никольский и, увы, уже ушедшие от нас Вадим Цымбурский и Сергей Королев.

Нам фантастически повезло в том смысле, что мы выросли, с одной стороны, поколением «непоротым» (ну, почти); а с другой – поколением, органически не способным даже помыслить «пороть другого». Я, конечно, не имею в виду физическое, «тоталитарное» насилие. Но есть ведь еще и насилие словесное, которое я в своих работах называю *большевизмом*, отличая его от *тоталитаризма*. Среди русских интеллигентов, как не раз отмечено в литературе, всегда было много охотников и умельцев поиграть в национальную забаву «Кто виноват?». Чего греха таить, свои «большевички» завелись даже внутри поколения шестидесятников, в целом очень здорового. Оказавшись при Горбачеве у власти, они по принципу «мели, Емеля, твоя неделя» с наслаждением, например, громили несчастных «стариков» с высоких трибун ведомственных съездов – писательских, кинематографических и т. д. Об одном таком «шестидесятнике-большевике» хорошо написал любимый мною поэт-мудрец Эрих Соловьев: «И стал орудьем, вроде вил, у ворошилы Климова...» Кто знает – тот, как говорится, поймет...

И я вспоминаю в аналогичных ситуациях людей моего поколения. Как мы, например, оказавшись чуть продвинутыми наверх, с какой-то особой бережностью сохраняли на ключевых научных позициях нашу «старую гвардию» – философов-мудрецов, у которых мы учились. Помню, ко мне, как к многолетнему заведующему «социально-политологическим» отделом института, не раз аккуратно подступались руководители двух наших диссертационных советов, «социального» и «политологического», Юрий Контантинович Плетников и Игорь Константинович Пантин: «не пора ли, мол, уступить дорогу молодежи?» И получали и от меня, и от М.М. Федоровой, и от С.А. Никольского неизменно один и тот же ответ: «Очень просим вас, оставайтесь как можно дольше...» И никогда потом об этом не жалели...

Помню также, как, будучи в начале 1990-х годов, волею прихотливого случая, приближены к новому «российскому трону», мы с Александром Рубцовым (оба тогда молодые кандидаты наук) не поддались на «подначки» горячих голов о «необходимости кардинальных реформ в академии» и всегда спокойно отвечали: «Не мы строили – не нам и разрушать». К сожалению, в отличие от той эпохи, нынешняя оказалась менее щепетильной и щадящей по отношению к престижу академии. Пандемия игры в «Кто виноват?» опять гуляет по России.

В заключение скажу, что любое явление адекватно просматривается и оценивается не столько изнутри, сколько «со стороны» – так, как известно, намного виднее. Прекрасно сказал об этом Борис Леонидович Пастернак, у которого в 2020 году юбилей – 130 лет со дня рождения. Принципиальные для меня статьи о Пастернаке-мудреце я уже отослал в два авторитетных журнала, которыми не первый год и весьма успешно руководят выходцы из моего поколения, – Марине Быковой в США, в «*Russian Studies in Philosophy*», и Андрею Смирнову в «*Философский журнал*»...

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать...